

Научная статья

УДК 903“634”(571.66)

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-5-52-63

Проблема происхождения, локализации и хронологии тарьинской поздненеолитической культуры Камчатки

Александр Иванович Лебединцев

Северо-Восточный комплексный
научно-исследовательский институт имени Н. А. Шило
Дальневосточного отделения Российской академии наук
Магадан, Россия
lebedintsev@neisri.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2714-2116>

Аннотация

Рассматривается одна из наиболее ярких древних культур Камчатки – тарьинская культура позднего неолита. Обсуждаются вопросы локализации и хронологии, приведены наиболее важные стоянки, дано описание жилищ, охарактеризовано хозяйство тарьинцев, представлены материальные комплексы культуры. Наиболее древние стоянки этой культуры располагались на юго-восточном побережье. В результате контактов тарьинского прибрежного населения с обитателями долины р. Камчатка возникла континентальная культурная общность охотников и рыболовов, которая сочетала пластинчатую технику и шлифовку орудий, а также (хотя уже в меньшем виде) традицию использования лабреток. Датировать тарьинскую культуру, скорее всего, нужно II–I тыс. до н. э. На основе тарьинской культуры с I тыс. н. э. развивается древнеительменная культура, в которой выделены локальные варианты. Северная Камчатка, вероятно, являлась местом активных культурных контактов между древним населением Камчатки, Северного Приохотья и Чукотки, где формировались локальные общности, имеющие определенное своеобразие.

Ключевые слова

тарьинская культура, поздний неолит, Камчатка, Дальний Восток

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта Российского научного фонда № 22-18-00319 «Генезис древних культур Крайнего Северо-Востока Азии»

Для цитирования

Лебединцев А. И. Проблема происхождения, локализации и хронологии тарьинской поздненеолитической культуры Камчатки // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 5: Археология и этнография. С. 52–63. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-5-52-63

The Problem of the Origin, Localization and Chronology of the Tarya Late Neolithic Culture of Kamchatka

Aleksandr I. Lebedintsev

North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute named after N. A. Schilo
of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences
Magadan, Russian Federation
lebedintsev@neisri.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2714-2116>

Abstract

Purpose. This article presents one of the most brilliant ancient culture of Kamchatka – Tarya culture of the late Neolithic period. The author discusses the culture’s localization and chronology, lists the most important sites, gives a description of dwellings, characterizes the economy of Tarya people, and presents the culture material complex.

Results. Early complexes attributed to the Tarya culture and determined by the 3rd millennium BC are represented by three archeological sites. They are characterized by a combination of small and large stone tools, various leaf-shaped

© Лебединцев А. И., 2023

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 5: Археология и этнография. С. 52–63

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2023, vol. 22, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 52–63

points, sharp-edged adzes and axes, the absence of bone artifacts, and above-ground dwellings. This period is poorly represented in articles and possibly heterogeneous. The most represented period of the Tarya culture, for which the largest number of dates has been established, dates back to the 2nd and even more so to the 1st millennium BC. The main occupation of the Tarya people was fishing, hunting for land animals and catching sea animals in the rookeries.

Conclusion. The most ancient sites of this culture are located on the southeast coast. As a result of the contacts of the Tarya coastal population with the inhabitants of the Kamchatka River valley, a continental cultural community of hunters and fishermen arose, which combined the blade technique and tools polishing, as well as, although to a lesser extent, the tradition of using labrets. Dating the Tarya culture should probably be dated to 2nd – 1st millennium BC. The Old Iteľmen culture, in which local variants are distinguished, develops on the basis of the Tarya culture from the 1st millennium AD. Northern Kamchatka was probably the place of active cultural contacts between the ancient population of Kamchatka, Priokhot'e and Chukotka, where the local communities having a certain originality were formed.

Keywords

Tarya culture, Late Neolithic, Kamchatka, Far East

Acknowledgements

The study was supported by the Russian Science Foundation, project no. 22-18-00319 “The genesis of the Ancient Cultures of the Extreme North-East of Asia”

For citation

Lebedintsev A. I. The Problem of the Origin, Localization and Chronology of the Tarya Late Neolithic Culture of Kamchatka. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 52–63. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-5-52-63

Введение

Данная статья посвящена одной из интересных и еще не до конца изученной тарьинской культуре позднего неолита Камчатки. Целью данной работы является обсуждение вопросов, связанных с происхождением, критериями выделения, размещением, временем существования тарьинской культуры, а также характерными чертами и особенностями в ее материальной культуре, контактами с сопредельными общностями.

Впервые стоянки тарьинской культуры в Авачинской губе исследовались В. И. Иохельсоном в 1910 г. [Johelson, 1928]. Он попытался систематизировать собранные коллекции артефактов, выявить сходство с материалами соседних регионов. В 1921 г. шведская ботаническая экспедиция под руководством С. Бергмана проводила раскопки стоянок этой культуры в бухте Тарья близ Петропавловска. Археологические материалы были опубликованы И. Шнеллом, который отнес их к неолитическому времени и провел сравнение с курильскими и алеутскими находками [Shnell, 1932]. Небольшие раскопки в 1926 г. на Мишенной сопке в районе Петропавловска, в Авачинской губе, в Тарье произвела Е. П. Орлова [1999]. Находки кратко и частично были опубликованы в сборнике КСИИМК [Орлова, 1955].

Н. А. Гурьевым, помощником капитана траулера «Красноармеец», в 1934 г. была привезена в Ленинград коллекция каменных изделий с Камчатки, собранная в яме, вырытой под фундамент постройки, в районе бухты Тарья недалеко от Соленого озера, где ранее проводились раскопки В. И. Иохельсоном и И. Шнеллом [Дикова, 1983]. Эта коллекция обстоятельно описана археологом Д. Н. Левом [1935]. В ней находилось несколько десятков орудий, а также зооморфные и антропоморфные фигурки. Материалы стоянки датировались концом неолита и определялись более древними, чем другие археологические находки с Камчатки.

Существенный вклад в обобщение археологических данных сделали С. И. Руденко [1948], который разработал типологию костяных и каменных орудий, и В. В. Антропова [1949], подготовившая обзор всех археологических камчатских находок. И. С. Руденко пришел к выводу о том, что тарьинский период является более древним, чем время существования другой южнокамчатской стоянки у Курильского озера, исследованной В. И. Иохельсоном.

А. П. Окладников считал, что наиболее древними из всех известных к тому времени памятников Камчатки являются остатки углубленных жилищ на берегу бухты Тарья, которые он относил к развитому неолиту и определял по времени II–I тыс. до н. э. [Очерки..., 1953, с. 752].

В 1971 г. Н. Н. Диков обнаружил Авачинскую многослойную стоянку на окраине пос. Авача, расположенную в пригороде Петропавловска-Камчатского. Исследования этой стоянки были проведены Т. М. Диковой в 1975 и 1977 гг. [Дикова, 1983, с. 118–165].

Неолит Камчатки изучен пока очень слабо [Пташинский, 2006]. Несомненно, в этот период существовали различные оригинальные культуры, но для их выделения необходимы более значимые и обоснованные критерии. Тарьинская культура исследована пока недостаточно.

Общая характеристика тарьинской культуры

Большой вклад в изучение тарьинской культуры внесли Н. Н. Диков [1977; 1979], Т. М. Дикова [1983] и А. К. Пономаренко [1985; 2000; 2014]. Исследователи по-разному характеризовали тарьинскую культуру и предлагали свои варианты хронологии.

Тарьинскую культуру относят к развитому или позднему неолиту. Исследователи определяли территорию распространения этой культуры в пределах Центральной и Южной Камчатки (от м. Лопатка на юге до р. Тигиль на северо-западе и р. Озерная на северо-востоке) [Диков, 1979; Дикова, 1983; Пономаренко, 2000]. Множество стоянок находится на побережье Авачинской губы и по долинам рек, впадающих в нее. Н. Н. Диков подразделял памятники тарьинской культуры на две группы – южнокамчатскую и среднекамчатскую [1979, с. 120]. К первой группе отнесены стоянки, расположенные в районе Петропавловска-Камчатского, на берегу бухты Тарья, около д. Сероглазка, на Мишенной сопке, у с. Елизово, на левом берегу р. Авача. Ко второй группе – стоянки в долине р. Камчатка (у с. Ключи, на Домашнем озере, Култук (Ушки III), Застойчик). К южной группе тарьинской культуры отнесены стоянки Копыто II, Жупаново (III слой), Большой Камень, Рябухина, исследованные А. К. Пономаренко [Российский Дальний Восток..., 2005, с. 279].

По мнению Н. Н. Дикова [1979], южнокамчатские памятники тарьинской культуры являются более древними, чем среднекамчатские, и именно с юга тарьинцы могли распространяться в долину р. Камчатка.

Т. М. Дикова [1983] выделяет ранний период тарьинской культуры, определяемый хронологическим интервалом от $5\ 200 \pm 100$ (МАГ-306) л. н. – датой, полученной по углю из культурного слоя III стоянки Авача, до $4\ 210 \pm 135$ (МАГ-306) и $4\ 380 \pm 79$ (МАГ-312) л. н. – предполагаемый возраст участков III и IV на м. Лопатка. Для данных комплексов характерно сочетание мелких и крупных орудий из камня, различные варианты листовидных наконечников, острообушковые тесла и топоры с подтреугольным сечением, отсутствие изделий из кости. Жилище, обнаруженное в слое III стоянки Авача, являлось наземным, с деревянным каркасом и, вероятно, было покрыто берестой и засыпано землей. Определить его форму и размер сложно, так как исследовался только небольшой участок на этом памятнике. Эти комплексы выглядят разнородными.

Большинство стоянок, которые действительно могут быть объединены в единую культуру (тарьинскую, по Н. Н. Дикову) и имеют наибольшее сходство в материальных комплексах, относятся ко II–I тыс. до н. э., их радиоуглеродный возраст определяется в диапазоне от $3\ 900 \pm 100$ до $2\ 200 \pm 100$ (см. таблицу) [Диков, 1977; 1979; Дикова, 1983; Пономаренко, 2014]. В это время увеличивается количество и разнообразие каменных орудий. Имеются различия в инвентаре с комплексами стоянок предшествующих этапов развития Камчатки (в первой и второй неолитических культурах Камчатки широко развита пластинчатая техника, отсутствует шлифовка орудий, нет костяных орудий). На ранне-неолитических стоянках Авача-1 и Авача-9 топоры и тесла имеют только частично пришлифованные лезвия.

Зимние жилища тарьинцев были углубленными с прямоугольными или квадратными котлованами. Бревенчатое перекрытие опиралось на прямоугольную конструкцию в центре над очагом. Сверху жилища имели земляную насыпь. Летние промысловые жилища были свайные (шалаша на столбах). Наиболее древние свайные постройки выявлены на стоянке Большой Камень (первая половина I тыс. до н. э.) [Пономаренко, 2000; 2014].

К тарьинским жилищам относят углубленное жилище в Култуке на берегу Ушковского озера [Диков, 1979, с. 126]. Оно было значительных размеров и имело округлую форму.

Радиоуглеродная хронология памятников тарьинской культуры Камчатки
Radiocarbon chronology of the Tarya Culture`s Sites, Kamchatka

№ п/п	Стоянка, слой	¹⁴ C дата, л. н.	Лаб. номер	Кал. л. н.		Материал
				68,3 %	95,4 % ¹	
1	Елизово	3 900 ± 100	ГИН-183	4 510–4 510	4 790–3 980	Уголь из очагов
2	Авача, сл. П	3 450 ± 100	МАГ-310	3 840–3 570	3 980–3 460	Уголь из очага
3	Авача, сл. П	2 990 ± 100	КРИЛ-252	3 340–3 000	3 400–2 880	Уголь из очага
4	Авача, сл. П	2 420 ± 40	Beta-243240	2 670–2 350	2 700–2 340	Уголь из зачистки
5	Авача, сл. П	2 200 ± 100	МАГ-769	2 340–2 070	2 460–1 920	Уголь из очага
6	Авача, сл. П	2 100 ± 100	МАГ-763	2 300–1 930	2 340–1 830	Уголь из очага
7	Рябухина I	3 540 ± 60	ГИН-7049	3 910–3 710	3 990–3 640	Кость морских млекопитающих
8	Рябухина I	3 330 ± 70 ²	ГИН-7048	3 640–3 460	3 820–3 390	Раковины моллюсков
9	Рябухина I	3 000 ± 150 ²	ГИН-7047	3 370–2 970	3 490–2 780	Раковины моллюсков
10	Рябухина I	3 050 ± 100 ²	ГИН-7046	3 380–3 070	3 460–2 960	Раковины моллюсков
11	Бол. Камень I	2 910 ± 100	ГИН-8147	3 210–2 880	3 350–2 790	Уголь из очага
12	Бол. Камень I	2 410 ± 180	ИВАН-355	2 740–2 310	2 870–1 990	Уголь
13	Авача-б	2 540 ± 40	ГИН-8526a	2 750–2 510	2 760–2 490	Уголь из культ. слоя
14	Жупаново, сл. III	2 540 ± 60	ГИН-8139	2 750–2 490	2 760–2 370	Уголь
15	Жупаново, сл. III	2 470 ± 50	ИВАН-343	2 710–2 460	2 720–2 360	Уголь
16	Жупаново, сл. III	2 240 ± 60	ИВАН-170	2 340–2 150	2 360–2 070	Уголь
17	Ушки III	2 440 ± 80	РУЛ-607	2 700–2 350	2 730–2 340	Уголь
18	Ушки III	2 160 ± 290	МАГ-5	2 670–1 740	2 860–1 420	Уголь
19	Ушки III	2 070 ± 90	Mo-374	2 290–1 890	2 320–1 820	Уголь
20	Лопатка I	2 200 ± 100	МАГ-313	2 340–2 070	2 460–1 920	Горелое дерево

¹ Калибровка радиоуглеродных дат осуществлялась посредством программного обеспечения OxCal v.4.4 с использованием калибровочной кривой IntCal20.

² Указанные определения могут являться удревленными вследствие резервуарного эффекта.

В жилище найден немногочисленный каменный инвентарь. Однако там не было узкоклинковых и ширококлинковых ножей с выделенным насадом, «горбатых» ножей, лабреток, фигурок из камня, являющихся характерными культуроопределяющими элементами для тарьинской культуры. Наличие пластинчатой техники также указывает на несколько иные традиции обитателей этого жилища. Все эти отличия и довольно малое количество находок на такой площади (более 100 кв. м) может свидетельствовать о том, что охотники и рыболовы этого поселения имели совершенно другое происхождение и не относились к тарьинской культуре.

Основным занятием тарьинцев, по мнению А. К. Пономаренко, было рыболовство, охота на сухопутных животных, а также спорадическая добыча морских животных на лежбищах [2000, с. 189]. Охота на птиц, собирательство на суше и в литоральной зоне имело вспомогательное значение. В культурном слое прибрежных стоянок выявлены раковинные кучи, большое количество костей наземных и морских животных, а также птиц. А. В. Пташинский полагает, что ведущей формой хозяйства для тарьинцев являлся специализированный морской промысел [2003, с. 37]. В устье руч. Рябухина на п-ове Лопатка найден фрагмент наконечника гарпуна с желобком для каменного копьеца и двумя симметрично расположенными зубцами. Датируется стоянка Рябухина концом II тыс. – началом I тыс. до н. э. [Пономаренко, 2000, с. 148]. Это свидетельствует о том, что тарьинцы уже с конца II тыс. до н. э. использовали гарпуны в морском промысле. Причем следует отметить, что у наконечника со стоянки Рябухина в верхней части сделана боковая выемка для копьеца из камня, как у алеутских образцов.

В период существования тарьинской культуры значительная часть каменных орудий изготовлена из отщепов. Наиболее характерными орудиями из камня этой культуры являются преимущественно черешковые метательные наконечники; преобладают «горбатые» ножи, узко- и ширококлинковые с выделенной рукоятью, встречаются овальные, листовидные, трапециевидные, треугольные; скребки – колоколовидные, овальные, трапециевидные; тесла – шлифованные, острообушковые с треугольным поперечным сечением, двусторонне- и односторонневыпуклые; лабретки и лабретовидные шпильки; миниатюрные фигурки [Пономаренко, 2000]. Большинство из них сделано из кремнистых пород, халцедона и обсидиана. На стоянках этого времени в долине р. Камчатка отмечается сохранение в орудийном комплексе микропластинок, сколотых с призматических нуклеусов и изготовленных на них скребков и резцов. На стоянке Авача обнаружены грузила из галек двух типов: округлые с просверленным посередине биконическим отверстием и плоские с выемками по бокам для привязывания. Находки грузил свидетельствуют о существовании добычи рыбы с помощью сетей. Тарьинцы использовали для освещения лампы-жирники, сделанные из галек с выбитым углублением подтреугольной формы для жира.

К сожалению, на многих тарьинских стоянках изделий из органических материалов не сохранилось. Значительное количество костяных изделий обнаружено на стоянке в устье руч. Рябухина. Костяные орудия представлены зубчатыми наконечниками гарпунов, наконечником остроги, инструментами для обработки травы, орудиями собирательства [Пономаренко, 2000; 2014]. На стоянке Авача найден фрагмент плетения из волокон травы [Дикова, 1983].

Характерной особенностью тарьинского периода является отсутствие керамики [Российский Дальний Восток..., 2005, с. 280]. В то же время Н. Н. Диков отмечал, что керамика тарьинской культуры невыразительна. Найлены немногочисленные фрагменты сосудов неопределенного облика [Диков, 1979, с. 124].

Своеобразием тарьинской культуры является употребление украшений в виде губных вставок-лабреток. Все они найдены на юго-восточном побережье Камчатки [Пономаренко, 2014, с. 193]. Недавно одна лабретка была обнаружена на стоянке Столбовая-1 (к северу от Усть-Камчатска) [Понкратова, 2020, рис. 2, 26]. По мнению Н. Н. Дикова [1979, с. 126], эта особенность свидетельствует о сильных эскоалеутских традициях тарьинской культуры, вос-

ходящих, как он предполагает, к позднепалеолитической культуре VI слоя ушковских стоянок. Однако, как справедливо отмечает А. В. Пташинский [2003, с. 37], между позднепалеолитической культурой VI слоя и тарьинскими памятниками имеется значительный (не менее 7 тысячелетий) хронологический разрыв, тем более что на стоянке Ушки I нет настоящих лабреток, а имеются «лабретковидные изделия». Постулируемое утверждение о южных тихоокеанских истоках традиции использования лабреток на Камчатке пока не может быть подтверждено какими-то археологическими свидетельствами. На Курильских островах обнаружены единичные лабретки, датированные поздним временем [Пташинский, 2006, с. 79]. На Сахалине их нет на стоянках II–I тыс. до н. э. [Василевский, 2008]. Однако лабретки широко распространены на Алеутских островах и характерны для древней культуры алеутов. Имеются они в VII горизонте стоянки Чалука, датированном концом III – началом II тыс. до н. э. [Васильевский, 1973, с. 102–103]. На Чалуке лабретки встречались во всех горизонтах. Известны лабретки в древнеэскимосских культурах (Качемак I, Чорис, Ипиутак, Нортон, Оквик, Бирнирк), но все они относятся к более позднему времени, чем ранние чалукские [Там же, с. 94].

Такой же отличительной особенностью тарьинской культуры является наличие фигурок человека и животных [Пташинский, 2017]. Обнаружены они в приморской тихоокеанской зоне полуострова и в других местах (в долине р. Камчатка или на Западной Камчатке) не встречаются [Пташинский, 2020].

Корреляция археологических материалов тарьинской культуры с сопредельными общностями

Тарьинская культура развивалась в условиях широких культурных связей. Н. Н. Диков считал, что эти связи осуществлялись как с северными территориями (Чукотка, Североохотское побережье, Восточная Сибирь), так и с южными регионами (Курильские острова, Сахалин и даже Япония) [Диков, 1979, с. 127].

По мнению Р. С. Васильевского, в каменном комплексе тарьинской культуры имеются параллели с материалами с Алеутских островов, и они, как он полагает, являются более полными, чем с какой-либо другой культурой Северной Америки [Васильевский, 1973]. Сходство касается ведущих форм и типов тарьинских каменных орудий. Особенно выразительные аналогии обнаруживаются с каменными орудиями поселения Чалука (III–IV горизонты) на о. Умнак, где присутствуют все представленные в тарьинской культуре ножи (узко- и ширококлиновые с выделенными рукоятками, «горбатые»), многие типы наконечников, концевые и боковые скребки. На стоянке Чалука найдены каменные и костяные лабретки.

На Североохотском побережье в токаревской культуре имеются аналогичные тарьинским треугольные, листовидные и черешковые наконечники, грушевидные и трапециевидные скребки, скребки с черешками и выделенными рукоятками, узко- и ширококлиновые ножи с выделенными рукоятками, тесла с линзовидным сечением и шлифованным рабочим краем [Васильевский, 1971; Лебединцев, 1990]. Р. С. Васильевский полагает, что активное движение протокоряков вдоль северо-западного побережья Камчатки началось в I тыс. до н. э., что подтверждается многочисленными аналогиями в каменном инвентаре токаревской и тарьинской культур [Васильевский, 2001].

Проблема хронологии тарьинской культуры

Т. М. Дикова [1983] объединяла все памятники Южной Камчатки с V тыс. до н. э. до середины XVII в. н. э. в единую культуру, выделяя три периода: ранний, средний и поздний. Н. Н. Диков [1979] датировал ее II тыс. – серединой I тыс. до н. э. По мнению Р. С. Васильевского [1973, с. 141], тарьинская культура просуществовала на Камчатке до рубежа нашей эры. А. В. Пташинский [2003] считал, что эта культура может быть отнесена к рубежу неолита – палеометалла. Существование тарьинских памятников юго-восточного побережья Камчатки он ограничивает второй половиной I тыс. до н. э. [Пташинский, 2020, с. 22].

А. К. Пономаренко относит стоянки периода V тыс. – I тыс. до н. э. к тарьинскому этапу древнеительменской культуры [Пономаренко, 2000; 2008]. Однако следует отметить, что самая древняя радиоуглеродная дата для тарьинской культуры – $5\,200 \pm 100$ (МАГ-306) получена по углю из III культурного слоя стоянки Авача, и, следовательно, относить эту культуру к V тыс. до н. э. неоправданно. Нет оснований распространять тарьинскую культуру на I тыс. н. э., поскольку еще ранее на этой же территории выделен хроноцкий этап древнеительменской культуры [Пономаренко, 1985].

А. А. Орехов [2022] считает тарьинскую культуру позднеолитической, но допускает, что она существовала в период около 6 000–2 000 л. н.

И. Ю. Понкротова на основе изучения стратиграфии и датировок стоянки Ушки V определяет III культурный слой (тарьинскую культуру) средним неолитом и ограничивает ее существование в этом месте временем 3 000–2 550 л. н., что противоречит общепринятой хронологии для древних культур среднего неолита Северо-Востока и Дальнего Востока [Понкротова, 2018]. В целом же И. Ю. Понкротова определяет тарьинскую культуру, следуя согласно предложенной периодизации А. К. Пономаренко, как «тарьинский этап тарьинской культуры», периодом 4 000–1 500 кал. л. н. [Понкротова, 2021, с. 12].

Кроме того, на Камчатке в археологической периодизации выделяется эпоха палеометалла. Этот период А. В. Пташинский определяет с конца I тыс. до н. э. до начала II тыс. н. э. [2003, с. 37]. В это время на Камчатку поступают металлические изделия в результате обменных операций из Приамурья по Охотскому побережью и южных районов Приморья через Японские и Курильские острова. Косвенным свидетельством использования металлических орудий является расцвет костяной индустрии и развитие специализированных комплексов орудий морского зверобойного промысла в I тыс. н. э. на приморских стоянках Северной Камчатки. По мнению А. В. Пташинского, распространение неолита вплоть до X в. н. э. необоснованно.

Поздний неолит Сахалина датируется в рамках 4,5–2,5 тыс. л. н. [Василевский, 2008, с. 230], а железный век определяется в пределах V в. до н. э. – XVI в. н. э. [Пташинский, 2006, с. 79; Российский Дальний Восток..., 2005; Василевский, Грищенко, 2012]. К эпохе палеометалла относятся сусуйская, набильская и пильтунская культуры. На Курильских островах ранний железный век наступает в начале I тыс. н. э. Вполне возможно, что с юга на Камчатку могли попадать изделия из металла. Об этом свидетельствует широкое распространение костяных изделий в древнеительменских памятниках I тыс. н. э., а также появление шлифованных ножей, которые, возможно, копировали металлические образцы.

Проникновение металла на Крайний Северо-Восток определяется II – первой половиной I тыс. до н. э. Носители усть-бельской культуры были уже знакомы с металлом благодаря контактам с более развитыми племенами соседних территорий. В Усть-Бельском могильнике были найдены орудия из бронзы [Диков, 1979, с. 148]. На Западной Чукотке имеются прямые и косвенные свидетельства использования металла в период II–I тыс. до н. э. Древнеэскимосские культуры Берингоморья с начала I тыс. н. э., безусловно, относятся уже эпохе металла.

Эпоха неолита на Верхней Колыме и континентальном Приохотье завершается в конце II – I тыс. до н. э. В Северном Приохотье на стоянках токаревской культуры (VIII в. до н. э. – V в. н. э.) обнаружены медные изделия, а также рукоятки резцов, оснащенные железными лезвиями. Широкое использование железных изделий существовало в древнекорякской культуре (V–XVII вв.).

На северо-западном побережье Камчатки выделяется культура, или памятники типа Теви, датируемые I тыс. н. э. и представляющие, вероятно, один из локальных вариантов древнекорякской культуры на Камчатке. Эти памятники относятся к эпохе палеометалла.

Согласно приведенным данным, I тыс. до н. э. на севере Дальнего Востока являлось переходным этапом от неолита к раннему металлу, а период с середины I тыс. до н. э. и до середины I тыс. н. э. может быть определен эпохой палеометалла. Последующий период V–XVII вв. уже относится к эпохе железного века [Лебединцев, 2006].

Столь долгое существование тарьинской культуры (с V тыс. до н. э. по середину XVII в.) вызывает сомнения. Скорее всего, более ранние памятники должны быть отнесены к отдельной культуре – тарьинской – и датированы II–I тыс. до н. э. Это обусловлено прежде всего тем, что материальные комплексы более раннего этапа (тарьинская культура) отличаются от инвентаря поздних памятников I–II тыс. н. э. (собственно древнеительменской культуры). В тарьинской культуре имеются преимущественно черешковые наконечники, тесла острообушковые, преобладают «горбатые» ножи, скребки трапециевидные и колоколовидные, есть лабретки и лабретные шпильки, каменные фигурки человека и животных, керамика отсутствует или представлена малочисленными неопределенными фрагментами. Большое количество костяных орудий обнаружено на стоянке Рябухина на полуострове Лопатка (Южная Камчатка). На памятниках I тыс. н. э. преобладающим типом становятся усеченно-листовидные наконечники, скребки комбинированные (с резцовыми и скребковыми лезвиями), уменьшается количество «горбатых» ножей, появляется множество костяных орудий. Во II тыс. н. э. тесла и топоры различной формы (острообушковые встречаются редко), в северных районах появляется керамика.

Тарьинские стоянки севернее долины р. Камчатка пока не выявлены [Пономаренко, 2000, с. 189]. Наличие лабреток у тарьинцев свидетельствует о том, что эта археологическая общность в какой-то мере близка к эскимосско-алеутскому кругу культур. В то же время А. К. Пономаренко считает, что материалы древнеительменских стоянок I тыс. н. э. Западной и Северной Камчатки свидетельствуют о генетических связях обитателей этих стоянок с тарьинцами.

Проблема происхождения и этнической атрибуции тарьинской культуры

Проблема происхождения тарьинской этнической общности сложна и едва ли разрешима на нынешнем этапе исследований, поскольку существует хронологический разрыв (около 1200 лет) между раннеолитическими и тарьинскими памятниками. Вряд ли единственный памятник (Мыс Андреевский 1) может представлять весь этот период, охватывающий более 1 тыс. лет, и определяться как отдельная культура финального этапа раннего неолита Камчатки (андреевская, V тыс. до н. э.) [Пономаренко, 2011], тем более что тарьинская культура датируется более поздним временем и локализована в южной части полуострова.

Н. Н. Диков полагал, что тарьинская культура имеет прямое отношение к предкам ительменов. Он также отмечал, что тарьинская культура развивалась в условиях широких культурных связей и явилась результатом скрещивания северных и южных традиций и распространялась с юга в долину р. Камчатка. Преобладающим, по его мнению, было северное влияние [Диков, 1979, с. 127].

Несколько иное мнение высказывает А. В. Пташинский [2001]. Он полагает, что тарьинская культура имеет южные истоки и относится к кругу специализированных неолитических культур, изначально не имевших ничего общего с предками ительменов. С этим выводом категорически не согласен А. К. Пономаренко [2002, с. 221]. Р. С. Васильевский [1973, с. 141] считает, что большинство инноваций тарьинской культуры обнаруживают аналогии в материалах стоянок южных территорий. Южные связи придали тарьинской культуре своеобразные черты, отличные от культур северных территорий, в частности синхронных культур Чукотки. Он также полагал, что роль северных культур при формировании тарьинской была менее существенной. В то же время, по мнению А. В. Пташинского [2003, с. 37], лабретки, антропо- и зооморфные каменные фигурки, а также ряд специфических орудий тарьинской культуры являются не только культурно значимыми, но и именно они стали отличительными элементами от последующей древнеительменской культуры.

Заключение

В целом можно заключить, что тарьинская культура является наиболее яркой и самобытной культурой Камчатки. Наиболее древние стоянки этой культуры распространялись на

юго-восточном побережье. В результате контактов тарьинского прибрежного населения с обитателями долины р. Камчатка возникла континентальная культурная общность охотников и рыболовов, которая сочетала пластинчатую технику и шлифовку орудий, а также (хотя уже в меньшем виде) традицию использования лабреток. Датировать тарьинскую культуру, скорее всего, нужно II–I тыс. до н. э. На ее основе с I тыс. н. э. развивается древнеительменная культура, имеющая локальные варианты. На Северной Камчатке шло формирование самобытных культур, имеющих отличие в материальных комплексах от южнокамчатских районов.

Список литературы

- Антропова В. В.** К истории археологического изучения Камчатки // Сборник МАЭ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 11. С. 380–394.
- Василевский А. А.** Каменный век острова Сахалин. Южно-Сахалинск: Сахалин. кн. изд-во, 2008. 412 с.
- Василевский А. А., Грищенко В. А.** Сахалин и Курильские острова в эпоху палеометалла (I тыс. до н. э. – первая половина I тыс. н. э.) // Учен. зап. Сахалин. гос.ун-та: Сб. науч. ст. Южно-Сахалинск: СахГУ, 2012. Вып. 9. С. 29–41.
- Васильевский Р. С.** Происхождение и древняя культура коряков. Новосибирск: Наука, 1971. 250 с.
- Васильевский Р. С.** Древние культуры Тихоокеанского Севера. Новосибирск: Наука, 1973. 267 с.
- Васильевский Р. С.** Генезис и взаимодействие культур Северной Пасифики // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001. № 3. С. 31–38.
- Диков Н. Н.** Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы (Азия на стыке с Америкой в древности). М.: Наука, 1977. 391 с.
- Диков Н. Н.** Древние культуры Северо-Восточной Азии: Азия на стыке с Америкой в древности. М.: Наука, 1979. 352 с.
- Дикова Т. М.** Археология южной Камчатки в связи с проблемой расселения айнов. М.: Наука, 1983. 232 с.
- Лебединцев А. И.** Древние приморские культуры Северо-Западного Приохотья. Л.: Наука, 1990. 260 с.
- Лебединцев А. И.** Эпоха палеометалла на севере Дальнего Востока // IV Диковские чтения: Материалы Науч.-практ. конф., посвящ. 250-летию со дня выхода в свет российской научной академической монографии С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки». Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2006. С. 87–89.
- Лев Д. Н.** Новые археологические памятники Камчатки // СЭ. 1935. № 4–5. С. 217–224.
- Орехов А. А.** Проблемы неолита Верхней Колымы, Чукотки и Камчатки (опыт сравнительного анализа) // Тр. ИИАЭ ДВО РАН. 2022. Т. 35. С. 34–58.
- Орлова Е. П.** Археологические находки на Камчатке // КСИИМК. 1955. Вып. 59. С. 163–167.
- Орлова Е. П.** Ительмены. СПб.: Наука, 1999. 170 с.
- Очерки истории СССР. Период феодализма IX–XV вв.: В 2 ч. М.: Изд-во АН СССР, 1953. Ч. 1. 984 с.
- Понкратова И. Ю.** Археологические исследования на п-ове Камчатка (XIX – начало XXI в.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2018. Т. 25, № 2. С. 49–55.
- Понкратова И. Ю.** Средний неолит полуострова Камчатка // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 5: Археология и этнография. С. 86–102. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-5-86-102
- Понкратова И. Ю.** Каменный век Камчатки и Якутии: общее и особенное // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2021. № 3. С. 9–19.
- Пономаренко А. К.** Древняя культура ительменов Восточной Камчатки. М.: Наука, 1985. 216 с.

- Пономаренко А. К.** Древняя культура ительменов Камчатки. Петропавловск-Камчатский, 2000. 312 с.
- Пономаренко А. К.** Рецензия на автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук А. В. Пташинского «Культура охотников на морского зверя северо-восточного побережья Охотского моря (I–II тысячелетия н. э.)» // Краеведческие записки Камчатского областного краеведческого музея. Петропавловск-Камчатский, 2002. Вып. 12. С. 215–225.
- Пономаренко А. К.** Некоторые итоги исследования неолита Камчатки // Тр. II (XVIII) Всероссий. археол. съезда в Суздале. М., 2008. Т. 1. С. 261–266.
- Пономаренко А. К.** К вопросу о периодизации древних культур Северной Камчатки // Горизонты тихоокеанской археологии. Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2011. С. 171–183.
- Пономаренко А. К.** Тарьинская культура неолита Камчатки. Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2014. 254 с.
- Пташинский А. В.** Некоторые проблемы археологии и этногенетических реконструкций на Камчатке // Диковские чтения: Материалы науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию со дня рождения чл.-корр. РАН Н. Н. Дикова. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2001. С. 111–114.
- Пташинский А. В.** Новые находки неолита Камчатки // Вестник КРАУНЦ. Серия: Гуманитарные науки. 2003. № 2. С. 30–40.
- Пташинский А. В.** К вопросу о неолите Камчатки // Неолит и палеометалл Севера Дальнего Востока. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2006. С. 78–87.
- Пташинский А. В.** К вопросу о типологии лабреток южной Камчатки // Вестник КРАУНЦ. Серия: Гуманитарные науки. 2017. № 1. С. 12–24.
- Пташинский А. В.** Новые антропо- и зооморфные фигурки юго-восточного побережья Камчатки // Вестник КРАУНЦ. Серия: Гуманитарные науки. 2020. № 2. С. 21–35.
- Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток: Дальнаука, 2005. 696 с.
- Руденко С. И.** Культура доисторического населения Камчатки // СЭ. 1948. № 1. С. 153–179.
- Jochelson W.** Archaeological Investigation in Kamchatka. Washington, Carnegue Institution of Washington Publ., 1928, VIII, 88 p.
- Schnell I.** Prehistoric finds from the island world of the Far East, now preserved in the Museum of Far Eastern Antiquities, Stockholm. In: The Museum of Far Eastern Antiquities. Stockholm, 1932, vol. 4, pp. 49–65.

References

- Antropova V. V.** К истории археологического изучения Камчатки [To the history of Kamchatka archaeological research]. *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]*, 1949, vol. 11, pp. 380–394. (in Russ.)
- Dikov N. N.** Archeologicheskie pamyatniki Kamchatki, Chukotki i Verhnei Kolymy (Aziya na styke s Amerikoi v drevnosti) [Archaeological sites of Kamchatka, Chukotka and Upper Rolyma (Asia at crossroads with America in antiquity)]. Moscow, Nauka, 1977, 391 p. (in Russ.)
- Dikov N. N.** Drevnie kul'tury Severo-Vostochnoi Azii: Aziya na styke s Amerikoi v drevnosti [Ancient cultures of northeast Asia: Asia at crossroads with America in antiquity]. Moscow, Nauka, 1979, 352 p. (in Russ.)
- Dikova T. M.** Archeologiya Yuzhnoi Kamchatki v svyazi s problemoi rasseleniya ainov [Archaeology of Southern Kamchatka in connection with the problem of Ainu settlement]. Moscow, Nauka, 1983, 232 p. (in Russ.)
- Jochelson W.** Archaeological Investigation in Kamchatka. Washington, Carnegue Institution of Washington Publ., 1928, VIII, 88 p.
- Lebedintsev A. I.** Drevniye primorskiye kul'tury Severo-Zapadnogo Priokhot'ya [Ancient coastal cultures of the Northwestern Okhotsk Sea]. Leningrad, Nauka, 1990, 260 p. (in Russ.)

- Lebedintsev A. I.** Epokha paleometalla na severe Dal'nego Vostoka [The Paleometall Epoch in the North of the Far East]. In: IV Dikovskie chteniya [IV Dikov Readings]. Materials of the scientific and practical conference dedicated to the 250th anniversary of the publication of the Russian scientific academic monograph by S. P. Krasheninnikov "Description of the Land of Kamchatka". Magadan, SVKNII FEB RAS, 2006, pp. 87–89. (in Russ.)
- Lev D. N.** Novye archeologicheskie pamyatniki Kamchatki [New archaeological sites of Kamchatka]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography], 1935, no. 4–5, pp. 216–224. (in Russ.)
- Orekhov A. A.** Problemy neolita Verkhney Kolymy, Chukotki i Kamchatki (opyt sravnitel'nogo analiza) [Problems of the Neolithic of the Upper Kolyma, Chukotka and Kamchatka (an experience of comparative analysis)]. *Trudy IIAE DVO RAN* [Proceedings of the IIAE FEB RAS], 2022, vol. 35, pp. 34–58. (in Russ.)
- Orlova E. P.** Arkheologicheskiye nakhodki na Kamchatke [Archaeological finds in Kamchatka]. *Kratkiye soobscheniya Instituta istorii material'noy kul'tury* [Brief Communications of the History of Material Culture], 1955, iss. 59, pp. 163–167. (in Russ.)
- Orlova E. P.** Itel'meny [Itelmeny]. St. Petersburg, Nauka, 1999, 170 p. (in Russ.)
- Ocherki istorii SSSR. Period feodalizma IX–XV vekov [Essays on the history of the USSR. Period of feudalism 9th – 15th centuries]. Moscow, AS USSR Publ., 1953, pt. 1, 984 p. (in Russ.)
- Ponkratova I. Yu.** Archeologicheskie issledovaniya na poluostrove Kamchatka (XIX – nachalo XXI v.) [Archaeological research of the Kamchatka Peninsula (the 19th – early 21st century)]. *Gumanitarnyye nauki v Sibiri* [Humanities in Siberia], 2018, vol. 25, no. 2, pp. 49–55. (in Russ.)
- Ponkratova I. Yu.** Kamennyi vek Kamchatki i Yakutii: obshchee i osobennoe [Stone Age of Kamchatka and Yakutia: General and Special]. *Severo-Vostochnyy gumanitarnyi vestnik* [Northeast Humanitarian Bulletin], 2021, no. 3, pp. 9–19. (in Russ.)
- Ponkratova I. Yu.** Middle Neolithic of the Kamchatka Peninsula. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 86–102. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-5-86-102
- Ponomarenko A. K.** Drevnyaya kul'tura itel'menov Vostochnoi Kamchatki [The ancient culture of the Itelmens of Eastern Kamchatka]. Moscow, Nauka, 1985, 216 p. (in Russ.)
- Ponomarenko A. K.** Drevnyaya kul'tura itel'mnov Kamchatki [The ancient culture of the Itelmens of Kamchatka]. Petropavlovsk Kamchatsky, 2000, 312 p. (in Russ.)
- Ponomarenko A. K.** Retsenziya na avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata istoricheskikh nauk A. V. Pyashinskogo "Kul'tura okhotnikov na morskogo zverya severovostochnogo poberezh'ya Okhotskogo moraya (I–II tysyacheletiya n. e.)" [Review of the abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences A. V. Ptashinsky "Culture of sea animal hunters of the north-eastern coast of the Sea of Okhotsk (I–II millennium AD)"]. In: *Kraevedcheskie zapiski Kamchatskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya* [Lokal History Notes of the Kamchatka Regional Museum]. Petropavlovsk Kamchatsky, 2002, vol. 12, pp. 215–225. (in Russ.)
- Ponomarenko A. K.** Nekotorye itogi issledovaniya neolita Kamchatki [Some results of the study of the Neolithic of Kamchatka]. In: *Trudy II (XVIII) Vserossiyskogo archeologicheskogo s'ezda v Suzdale* [Proceeding of the II (XVIII) All-Russian Archaeological Congress in Suzdal]. Moscow, 2008, vol. 1, pp. 261–266. (in Russ.)
- Ponomarenko A. K.** K voprosu o periodizatsii drevnikh kul'tur Severnoy Kamchatki [On the issue of periodization of the ancient cultures of Northern Kamchatka]. In: *Gorizonty tikhookeanskoj arkheologii* [Horizons of Pacific archaeology]. Vladivostok, Far Eastern Federal Uni. Press, 2011, pp. 171–183. (in Russ.)
- Ponomarenko A. K.** Tar'inskaya kul'tura neolita Kamchatki [Tarya culture of the Neolithic Kamchatka]. Vladivostok, Far Eastern Federal Uni. Press, 2014, 254 p. (in Russ.)
- Ptashinsky A. V.** Nekotorye problemy arkheologii i etnogeneticheskikh rekonstruktsiy na Kamchatke [Some problems of archaeology and ethnogenetic reconstructions in Kamchatka]. In: *Dikovskie chteniya* [Dikov Readings]. Materials of the Scientific-Practical. Conf. devoted to

- the 75th birthday of Corresponding Member of RAS N. N. Dikov. Magadan, SVKNII FEB RAS, 2001, pp. 111–114. (in Russ.)
- Ptashinsky A. V.** Novye nakhodki neolita Kamchatki [The new finds of Neolith of Kamchatka]. *Vestnik Kamchatskoy regional'noy assotsiatsii "Uchebno-nauchnyi tsentr". Seriya "Gumanitarnye nauki"* [Journal collection of scientific works of KRASEC. Section "The Humanities"], 2003, no. 2, pp. 30–40. (in Russ.)
- Ptashinsky A. V.** K voprosu o neolite Kamchatki [On the issue of the Neolithic of Kamchatka]. In: *Neolit i paleometall Severa Dal'nego Vostoka* [Neolit and Paleometal of the north of Far East]. Magadan, NEISRI FEB RAS, 2006, pp. 78–87. (in Russ.)
- Ptashinsky A. V.** K voprosu o tipologii labretok yuzhnoy Kamchatki [On the question of labrettes in southern Kamchatka]. *Vestnik Kamchatskoy regional'noy assotsiatsii "Uchebno-nauchnyi tsentr". Seriya "Gumanitarnye nauki"* [Journal collection of scientific works of KRASEC. Section "The humanities"], 2017, no. 1, pp. 12–24. (in Russ.)
- Ptashinsky A. V.** Novye antropo- i zoomorfnye figurki yugo-vostochnogo poberezh'ya Kamchatki [New antropo- and zoomorphic figurines of the south-eastern coast of Kamchatka]. *Vestnik Kamchatskoy regional'noy assotsiatsii "Uchebno-nauchnyi tsentr". Seriya "Gumanitarnye nauki"* [Journal collection of scientific works of KRASEC. Section "The humanities"], 2020, no. 2, pp. 21–35. (in Russ.)
- Rossiiskii Dal'nii Vostok v drevnosti i srednevekov'e. Otkrytiya, problemy, gipotezy [Russian Far East in antiquity and the Middle Ages. Discoveries, problems, hypotheses]. Vladivostok, Dal'nauka, 2005, 696 p. (in Russ.)
- Rudenko S. I.** Kul'tura doistoricheskogo naseleniya Kamchatki [The culture of prehistoric population of Kamchatka]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography], 1948, no. 1, pp. 153–179. (in Russ.)
- Schnell I.** Prehistoric finds from the island world of the Far East, now preserved in the Museum of Far Eastern Antiquities, Stockholm. In: *The Museum of Far Eastern Antiquities*. Stockholm, 1932, vol. 4, pp. 49–65.
- Vasilevsky A. A.** Kamennyi vek ostrova Sakhalin [Stone Age of Sakhalin Island]. Yuzhno-Sakhalinsk, Book Publ. House, 2008, 412 p. (in Russ.)
- Vasilevsky A. A., Grishchenko V. A.** Sakhalin i Kuril'skie ostrova v epokhu paleometalla (I tys. do n. e. – pervaya polovina I tys. n. e.) [Sakhalin and Kuril Islands in the Paleometal Age (I millennium BC – first half of the I millennium AD)]. In: *Uchenye zapiski Sakhalinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes of Sakhalin State University]. Yuzhno-Sakhalinsk, Sakhalinsk State Uni. Press, 2012, iss. 9, pp. 29–41. (in Russ.)
- Vasilevsky R. S.** Proiskhozhdenie i drevnyaya kul'tura koryakov [Origin and ancient culture of Koryak]. Novosibirsk, Nauka, 1971, 250 p. (in Russ.)
- Vasilevsky R. S.** Drevniye kul'tury Tikhookeanskogo Severa [Ancient cultures of the North Pacific]. Novosibirsk, Nauka, 1973, 267 p. (in Russ.)
- Vasilevsky R. S.** Genesis i vzaimodeystviye kul'tur Severnoy Pasifiki [Genesis and interaction of the cultures of the North Pacific]. *Archeologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia], 2001, no. 3, pp. 31–38. (in Russ.)

Информация об авторе

Александр Иванович Лебединцев, кандидат исторических наук

Information about the Author

Alexander I. Lebedintsev, Candidate of Sciences (History)

Статья поступила в редакцию 09.07.2022;
 одобрена после рецензирования 01.09.2022; принята к публикации 01.10.2022
 The article was submitted on 09.07.2022;
 approved after reviewing on 01.09.2022; accepted for publication on 01.10.2022